

абсолютномъ объектѣ, созерцалъ однако *самого себя* и не могъ мыслить себя уничтожившимся, не мысля себя въ то же время существующимъ»⁴²).

Если попытаться теперь выяснитъ себѣ то міровоззрѣніе, съ которымъ связываетъ Л. Толстой свою этику, то съ трудомъ сведешь начало съ концами. Едва ли можно подвести его къ какому-либо изъ существующихъ философскихъ міровоззрѣній; отовсюду онъ заимствуетъ по своему вкусу что-либо, какъ эклектикъ, но весьма неразборчивый, не заботящійся о логической связи частей своего эклектического ученія и скрывающій логическіе пробѣлы въ туманѣ неопредѣленности. Въ самомъ дѣлѣ, что такое тотъ безличный космическій разумъ, который живетъ во мнѣ и въ вѣчности котораго состоитъ и мое мнимое безсмертіе? «Евангеліе Іоанна,—говоритъ Л. Толстой,—начинается тѣмъ, что Слово или Разумъ есть начало и что въ Немъ все и отъ Него все, и что потому Разумъ,—то, что опредѣляетъ все остальное,—ничѣмъ не можетъ быть опредѣляемъ (разумѣется,—прибавимъ отъ себя,—метафизически, а не логически). Мы все не только знаемъ его, но только разумъ одинъ и знаемъ». Отсюда повидимому слѣдовало бы, что наши знанія о всеобщемъ разумѣ (т. е. знаніе разума о самомъ себѣ, ибо мы—облеченный въ оболочку животной личности тотъ же разумъ) должны быть ясны и опредѣленны. Къ сожалѣнію, у Л. Толстого ясныхъ опредѣленій этого разума мы не находимъ. «Основа сущаго», «творецъ истинной жизни», «носитель закона любви и всеобщаго блага», «свѣтъ міра», «разумѣніе жизни» и т. п. выраженія скорѣе описываютъ разумъ метафорически, чѣмъ даютъ его опредѣленія съ требуемою наукой точностію. Мы не знаемъ, идея это или субстанція; намъ говорятъ лишь, что онъ есть нѣчто безличное. Однако этой безличной идеѣ или субстанціи приписывается такое психологически самое личное свойство, какъ любовь. Эту любовь безличной идеи или субстанціи къ самой себѣ можетъ представить себѣ развѣ вселицетворяющая способность художника, но ни точная психологія, ни дорожа-

⁴²) Über Dogmatik und Kritik, S. 167.